

Юридическая природа дел о признании информационных материалов экстремистскими с точки зрения гражданского процесса.

В данной статье автор рассмотрел некоторые проблемы, возникшие с появлением нового рода дел – дел о признании информационных материалов экстремистскими. По мнению, автора для правильного разрешения данных проблем необходимо правильно определить юридическую природу данного рода дел. Проведенный анализ вызывает серьезные сомнения в возможности их существования в гражданском процессе.

Ключевые слова: экстремизм, признание информационных материалов экстремистскими, санкция, гражданское судопроизводство, Европейский Суд по правам человека.

Legal Nature of Cases Concerned With Recognition of Information Materials as Extremist from the Civil Procedure Perspective

In this article the author refers to the problems associated with the emergence of a new kind of cases – recognition of information materials as extremist. In the author's opinion in order to resolve these problems properly it is necessary to identify correctly the legal nature of such cases. The results of performed analysis give rise to strong doubts about possibility of their existence in civil procedure.

Key words: extremism, recognition of information materials as extremist, sanction, civil procedure, European Court of Human Rights.

Актуальность исследования.

За последние несколько лет количество гражданских дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, о признании информационных материалов экстремистскими резко возросло.

Однако, суды в различных регионах России по различному подходят к разрешению данного рода дел. Это отчасти вызвано тем, что про данную категорию дел нет упоминания в ГПК РФ, а также неопределенностью Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в котором лишь упомянуто, что дела о признании экстремистскими возбуждаются по представлению прокурора. ГПК РФ содержит упоминание термина «представление прокурора», лишь как обращение в вышестоящую судебную инстанцию, а закон «О прокуратуре РФ» под представлением имеет ввиду обращение в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и которое подлежит безотлагательному рассмотрению (ст. 24 ФЗ «О прокуратуре РФ»).

Соответственно, в этой ситуации суды получают различные виды процессуальных обращений органов прокуратуры. Так органы прокуратуры г. Санкт-Петербурга обращаются в суд с заявлениями о признании материалов экстремистскими, указывая в качестве процессуальных оснований ст. 245 ГПК РФ, что находит поддержку Санкт-Петербургского суда (Определения от 28.09.2009 №12780, от 28 сентября 2009 г. N 12783 №4460 от 10.03.2011 и др.). Такой подход оставляет впечатление логичного, поскольку, безусловно, что это спор из публичных правоотношений, однако раздел III ГПК РФ, регулирующий производство по делам из публичных правоотношений, абсолютно не приспособлен к такому роду дел. В том виде, в котором существует данный раздел ГПК РФ, очевидно, что он был предназначен лишь к такому роду споров, где

требования направлены к государственным органам, а не наоборот. Процессуальные гарантии, установленные для граждан и их объединений, имеющиеся в данном разделе, сформулированы именно таким образом, что они действуют только в ситуации, когда заявителями являются граждане... .

В Краснодарском крае пытаюсь решить данную проблему, Краснодарский краевой суд и Прокуратура Краснодарского края выпустили совместное информационное письмо от 20.11.2007 «О порядке рассмотрения судами дел, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». В данном письме констатируется, что в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности не содержатся разъяснения, в каком именно процессуальном порядке должны рассматриваться дела, предусмотренные статьями 6-9, 13 этого закона и даются разъяснения, которые мы полагаем уместным частично воспроизвести: «...при рассмотрении дел о прекращении деятельности средства массовой информации, осуществляющего экстремистскую деятельность, о запрете (ликвидации) общественного (религиозного) объединения, осуществляющего экстремистскую деятельность, и о признании информационных материалов экстремистскими необходимо применять следующий процессуальный порядок:

- разрешение дел осуществляется по правилам искового производства;
- обязанности сторон по доказыванию распределяются в соответствии с требованиями п.1 ст. 56 ГПК РФ: каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений;
- предоставление и истребование доказательств в ходе рассмотрения дел осуществляется в общем порядке, предусмотренном ст. 57 ГПК РФ».

Такой подход, кажется вполне логичным, однако, существуют и другие подходы. Так например, когда прокурор обратился в суд с заявлением о признании информационного материала экстремистским в один из районных судов г. Омска, суд оставил его без движения. В Определении суда, прокурору было предложено в установленный срок оформить исковое заявление, указав в нем наименование ответчика, его место нахождения. Но данное Определение было отменено Определением судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда¹ по представлению прокурора.

В представлении прокурор просил определение суда отменить, сославшись на то, что заявление оформлено в соответствии с действующим законодательством, требование о признании информационного материала экстремистским не подлежит рассмотрению в порядке искового производства.

Отменяя определение суда, и направляя материал в районный суд для разрешения вопроса о принятии заявления к производству, судебная коллегия областного суда исходила из следующего.

«В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 262 ГПК РФ суд рассматривает дела в порядке особого производства, в том числе об установлении фактов, имеющих юридическое значение. В силу ч. 1 ст. 264 ГПК РФ суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций.

---

¹ Бюллетень судебной практики Омского областного суда N 1(42) 2010.

Перечень фактов, имеющих юридическое значение, установленный ч. 2 ст. 264 ГПК РФ, не является исчерпывающим. В соответствии с п. 10 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ судом могут быть установлены другие имеющие юридическое значение факты.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с посл. изм. и доп.) информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

В заявлении прокурора о признании информационного материала экстремистским ставится вопрос об установлении правового состояния информационного материала, которое в дальнейшем может иметь юридическое значение, в том числе не только для привлечения лиц к ответственности за распространение, производство или хранение соответствующего информационного материала, но и для изъятия, дальнейшего предотвращения распространения материала иными лицами. Такое заявление подлежит рассмотрению в гражданском судопроизводстве по правилам особого производства».

О недопустимости рассмотрения дел о признании информационных материалов экстремистскими в особом производстве мы уже писали ранее, анализируя саму процедуру особого производства² и обращая внимание на недопустимость рассмотрения данного рода дел в бесспорной процедуре. Однако, по настоящее большинство дел о признании информационных материалов экстремистскими по прежнему происходит в бесспорной процедуре – особом производстве.

Полагаем, что наличие разных подходов судов, допускающих, в том числе и рассмотрение такого рода дел в особом производстве, вызвано, прежде всего, тем что, к сожалению, процессуальная доктрина не обращала внимания на данный род дел и соответственно, не выработала ответа о правовой природе данного рода дел.

Правильное определение должной судебной процедуры зависит от правильного определения правовой природы дел о признании информационных материалов экстремистскими.

На первый взгляд, притязание прокурора по данному роду дел, равно как и по другим делам о признании направлено только к суду. Но факт направленности притязания только к суду не может служить квалифицирующим признаком, который бы мог нам помочь в определении правовой природы данного рода дел. Тем более, что направленность притязаний прокурора только к суду при внимательном рассмотрении оказывается под сомнением, поскольку одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими суд должен принимать решение о конфискации таких материалов, то есть, прекращать права собственности конкретного собственника данных материалов. Конечно же, в этом случае притязание направлено против собственника.

Признание материалов экстремистскими – это публично-правовая санкция.

---

² Султанов А.Р. Применение европейских стандартов в гражданском судопроизводстве на примере экстремистских дел. №8. Адвокат. 2010

Из названия ст. 13 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в которой предусмотрено признание информационных материалов экстремистскими можем увидеть, что в данной статье идет речь об ответственности за распространение экстремистских материалов.

Безусловно, ответственность за распространение экстремистских материалов является публично-правовой формой ответственности.

Надо отметить, что норма, которая устанавливает ответственность за распространение публичных материалов является сложносоставной. Так гипотеза данной нормы расположена в различных статьях ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в ст.280, ст.282, 282.1 Уголовного кодекса РФ и ст.20.29 КоАП РФ³. Основные санкции также находятся в УК РФ и КоАП РФ, в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» расположены лишь дополнительные санкции, такие как признание материалов экстремистскими и опубликование об этом в федеральном списке экстремистских материалов, а также конфискация материалов признанных таковыми⁴.

Хотя надо отметить, что само включение материалов в федеральный список экстремистских материалов является не только санкцией, но и гипотезой нормы о привлечении к административной ответственности, установленной в ст.20.29 КоАП РФ. В отсутствие факта включения материалов в федеральный список экстремистских материалов административной ответственности не наступает. То есть, признание информационных материалов экстремистскими представляет собой установление одного из элементов административно-правового состава, без которого не существует административно-правовой ответственности... То есть, фактически можно признать, что законодатель, формулируя положения об административной ответственности, согласился с тем, что описание экстремистской деятельности настолько широкое и неопределенное, что привлечение к административной ответственности возможно лишь, когда тот или иной материал будет находиться в федеральном списке экстремистских материалов. Безусловно, это порождает вопросы относительно соответствия законодательства о противодействии экстремистской деятельности принципу правовой определенности, который помимо прочего требует, чтобы правовая норма была ясной и недвусмысленной (см.: Постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 года N 3-П; от 15 июля 1999 года N 11-П; от 11 ноября 2003 года N 16-П, от 13 декабря 2001 года N 16-П, Постановление от 17 июня 2004 года N 12-П), сформулированной таким образом, чтобы адресат нормы мог уяснить какие действия или бездействия могут быть основанием для привлечения его к ответственности (Постановление ЕСПЧ по делу «Коэм против Бельгии» п. 145-146; по делу «ОАО Нефтяная компания «ЮКОС» против РФ» п.567). Впрочем, обсуждение данных вопросов требует отдельной статьи, в данной же статье ограничимся рассмотрением вопросов о правовой природе дел о признании информационных материалов экстремистскими.

Полагаем, что в свете вышеуказанного наше утверждение о том, что признание материалов экстремистскими является санкцией, нуждается в более

---

³ Хотя российские классики теории права нас учили, что разбить норму предписание на несколько статей невозможно. См. Алексеев С.С. Основные вопросы теории общей теории социалистического права//Алексеев С.С. Собрание сочинений. Т.3. С. 223.

⁴ Хотя, в принципе данные санкции могут быть и основными.

подробном рассмотрении, поскольку существует точка зрения, что признанием материалов экстремистскими суд лишь «устанавливает правовое состояние материалов». Так в определении судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 10 января 2008 г. (дело N 33-91/2008) была выражена следующая позиция "В представлении прокурора Верх-Исетского района г. Екатеринбурга о признании экстремистскими информационных материалов, содержащихся в книге "А", не ставится вопрос о привлечении какого-либо лица к административной или уголовной ответственности. Фактически прокурор в представлении просит установить правовое состояние информационных материалов, изложенных в указанной книге, которое в дальнейшем может иметь юридическое значение, в том числе не только для привлечения лиц к ответственности за распространение, производство или хранение таких информационных материалов, но и для их изъятия, дальнейшего предотвращения их распространения иными лицами, что допускается в гражданском судопроизводстве по правилам особого производства".

Однако, информационные материалы – это не вещь, которая существует сама по себе, – это всегда результат чьего-то действия, у них всегда есть автор. Полагаем уместным задаться в связи с этим вопросами: Какие возникают правовые последствия для автора информационных материалов вследствие признания созданных им информационных материалов экстремистскими? Можно ли рассматривать вопрос о признании материалов экстремистскими без привлечения автора?

В соответствии со ст. 15 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» автор печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных статьей 1 настоящего Федерального закона, признается лицом, осуществлявшим экстремистскую деятельность, и несет ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке. Признание информационных материалов экстремистскими – это признание того, что они предназначены для обнародования и призывают к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывают или оправдывают необходимость осуществления такой деятельности (ч.3 ст.1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), при этом экстремистская деятельность это действия поименованные в ч.1 ст.1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Следовательно, признание информационных материалов может иметь место, только когда данный материал был предназначен для распространения, а не для личного использования. В тоже время, из приведенных выше норм следует однозначный вывод, что признание информационных материалов экстремистскими – это всегда установление факта совершения автором данного материала экстремистской деятельности. Признание информационных материалов экстремистскими – является установлением противоправности действий автора и является осуждением, порицанием автора и одновременно является ограничением его свободы выражения мнений, поскольку такое признание является одновременно запретом распространения информационных материалов.

В ст. 13 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» законодатель в качестве общего запрета указал: «На территории Российской Федерации

запрещаются распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях распространения».

Далее законодатель специально оговорил, что производство, хранение или распространение экстремистских материалов является правонарушением и влечет за собой ответственность, только в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Данная оговорка вызывает вопрос: нарушение общего запрета на производство, хранение и распространение экстремистских материалов не всегда является правонарушением? Лишь в строго определенных случаях? Тогда зачем нужно было формулировать общий запрет?

Полагаем, что все же законодатель здесь просто использовал неудачную юридическую технику и, намереваясь сделать ссылку на административное и уголовное законодательство, нечаянно поставил под сомнение общий запрет на производство, хранение и распространение экстремистских материалов.

Однако, в публичном праве в той его части, где ставится вопрос об ответственности текст нормы должен быть сформулирован строго определенным образом, исключая произвольное толкование, а правоприменитель связан буквальным написанием нормы и не вправе применять нормы об ответственности по аналогии или пытаться расширительно толковать нормы права.

Соответственно, можно утверждать - законодатель, устанавливая, что «Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу», фактически создал норму, которая предусматривает признание экстремистскими материалов лишь при наличии специально установленных в материальном праве случаях, когда производство, хранение и распространение экстремистских материалов является правонарушением.

Признание информационных материалов экстремистскими и их конфискация

Упоминание в ст. 13 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», что «одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими судом принимается решение об их конфискации», на наш взгляд, также является подтверждением того, что признание материалов экстремистскими есть мера публично-правовая, применяемая одновременно с другой публично-правовой мерой. Безусловно, конфискация – это публично-правовая мера, а не гражданско-правовая, поскольку носит не компенсационный, а карательный характер.

Хотя в главе ГК РФ, посвященной прекращению права собственности, имеется статья, посвященная конфискации, но данная статья (ст. 243 ГК РФ) не является регламентацией санкции. Скорее она является гражданско-правовым отражением применения санкций за совершение преступления или иного правонарушения в уголовно-процессуальном либо административно-процессуальном порядке. Полагаем, что данная статья была включена в ГК РФ, поскольку законодатель принимал ГК РФ при еще незаконченной кодификации

административного законодательства, состоявшего в то время из многочисленных подзаконных актов, включая ведомственные акты. Соответственно, в ст. 243 ГК РФ были закреплены некоторые гарантии того, что конфискация будет возможна только на основании законов и что решение о конфискации, принятое в административном порядке, может быть в последующем оспорено в судебном порядке. На сегодняшний день данные гарантии в ГК РФ в связи с кодифицированием административного законодательства просто излишни – ст. 3.7 КоАП РФ предусматривает, что конфискация назначается только судьей⁵. В соответствии с КоАП РФ конфискация признается как основным, так и дополнительным административным наказанием (ч. 2 ст. 3.3 КоАП РФ).

Надо отметить, что конфискация и порядок ее применения неоднократно рассматривались Конституционным Судом РФ.

В недавнем Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2011 г. N 6-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8. 28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "СтройКомплект" было отражено, что «...Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает, что в случаях, предусмотренных законом, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (пункт 1 статьи 243). На такое же понимание конфискации имущества - как особой меры публичной ответственности за деяние, которое, по общему правилу, совершено собственником этого имущества, - ориентируют и нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства (часть вторая статьи 2 и пункт "г" части первой статьи 104.1 УК Российской Федерации, пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации)».

Обращаясь в ряде своих решений (Постановления Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 года N 1-П, от 27 апреля 2001 года N 7-П, от 17 июля 2002 года N 13-П, определения от 9 апреля 2003 года N 172-О, от 7 декабря 2010 года N 1570-О-О и др.) к вопросу о вытекающих из Конституции Российской Федерации общих принципах юридической ответственности, которые по своему существу относятся к основам правопорядка, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам:

Как следует из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Наличие состава правонарушения является, таким образом, необходимым основанием для всех видов юридической ответственности; при этом признаки состава правонарушения, прежде всего в публично-правовой сфере, как и содержание конкретных составов правонарушений должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами юридической ответственности. В свою очередь, наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения - общепризнанный принцип привлечения к юридической

---

⁵ Султанов А.Р. О кодификации законодательства об административных правонарушениях и антимонопольном законодательстве. Закон. N 7. 2007. С. 141-148.

ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно в законе.

Таким образом, для того, чтобы конфисковать информационные материалы, нужно установить виновность лица, который их создал с целью распространения, либо распространял экстремистские материалы, либо их производил или хранил в целях распространения.

То есть, создание, производство, хранение экстремистских материалов влечет ответственность лишь при наличии умысла направленного на распространение экстремистских материалов.

Наверное, это действительно правильный подход, который разрешает проблему владения в личных целях материалами, признанными экстремистскими, в частности, владения в научных целях.

Реалии правоприменения

Рассмотрим, применяется ли описанный выше подход на практике. Для анализа возьмем случай с конфискацией, описанный на сайте «Свидетелей Иеговы»⁶, данный случай удобен для рассмотрения тем, что помимо описания ситуации на сайте доступен судебный акт, который содержит информацию необходимую для анализа.

В октябре 2010 года старший помощник прокурора Заволжского района г. Твери, явившись в дом к 71-летней Валентине Фомушкиной, без ее согласия изъял всю имеющуюся у нее духовную литературу, – а это 471 наименование брошюр, журналов и книг, включая Библию.

Полагаем, что такое грубое вмешательство в право собственности и свободу вероисповедания должно было иметь весьма веские основания. Однако, женщина, которая по состоянию здоровья не может выходить из дома, была лишена единственной возможности доступа к богослужебным текстам, не в связи с тем, что она приготовила данную литературу для распространения и не в связи с тем, что она занималась экстремистской деятельностью, а в связи с попыткой прокурора привлечь другую пенсионерку за «массовое распространение экстремистских материалов». Изъятая литература была представлена прокурором как вещественное доказательство в деле против другой пенсионерки, Любови Белимовой. Он указал, что она «распространила» всю эту литературу Фомушкиной, причем в течение нескольких месяцев. Мировой судья постановил наложить на Белимову штраф в 1000 рублей, а всю изъятую богослужебную литературу – включая Библию! – конфисковать и уничтожить.

Данное постановление было обжаловано. Жалоба была частично удовлетворена⁷, в том числе, федеральный судья согласился с правильностью принятия конфискационных мер, указав, что «в силу ст. 3.7 КоАП РФ, Постановления и Определения Конституционного Суда РФ, которыми допускается за совершение административного правонарушения конфискация орудий или предметов, не принадлежащих нарушителю на праве собственности,

---

⁶ URL: http://www.jw-russia.org/news/tver/courtdoc20111018_u.pdf (дата обращения 11.12.11)

⁷ URL: http://centralny.twr.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=69600401103301021401961000106358 (дата обращения 11.12.11)

мировой судья пришел к правильному выводу о конфискации литературы, поскольку одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими, судом принимается решение об их конфискации».

То есть, суд понимал, что конфисковалось имущество не правонарушителя, а собственность лица, не привлекаемого к административной ответственности и не являющегося участником административного дела. По всей видимости, суд все же осознавал проблему конфискации имущества, не принадлежащего нарушителю и проблему вынесения судебного решения о правах и обязанностях лица, не привлеченного к делу, и потому сделал ссылку на Постановление и Определение Конституционного Суда РФ. В тоже время, суд не указал реквизитов решений Конституционного Суда РФ, по всей видимости, понимая, что решений Конституционного Суда РФ совпадающих по фабуле дела нет. По всей видимости, суд имел ввиду Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. N 8-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества "Сибирское агентство "Экспресс" и гражданина С.И.Тененева, а также жалобой фирмы "Y.& G.Reliable Services, Inc." и Определение Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2001 г. N 202-О "Об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 1999 года по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации", которые хотя и не совпадают полностью по фабуле дела, но использовалось и другими судами для оправдания конфискации орудий или предметов, не принадлежащих нарушителю на праве собственности⁸. Хотя, на наш взгляд, более правильна позиция Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа, который в Постановлении от 12 мая 2003 г. N Ф03-А51/03-1/968 указал, что Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. N 8-П не применимо к отношениям, не урегулированным ст. 29 КоАП РСФСР, а также п. 2 ст. 235 и ст. 243 ГК РФ с ч. 1 ст. 380 Таможенного кодекса РФ по делам о таможенных правонарушениях, поскольку применение административной ответственности по аналогии запрещено. В данном Постановлении Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа признал обоснованным исключение из акта описи конфискованного имущества, в связи с тем, что истец, являющийся собственником имущества, не совершал административного правонарушения, по факту которого вынесено постановление Петропавловского городского суда Камчатской области от 13.04.2001, и которым принято решение о конфискации.

Надо отметить, что Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2011 г. N 6-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "СтройКомплект" также говорится о правовой позиции, изложенная в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. N 8-П не может автоматически распространяться на всю сферу административно-деликтных отношений.

---

⁸ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 19 мая 2010 г. N А60-13600/2010; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 ноября 2010 г. N А40-101210/10-130-584 и др.

Безусловно, мы не можем упрекнуть суд за неприменение правовых позиций, изложенных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2011 г. N 6-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "СтройКомплект", поскольку оно было оглашено более чем через месяц после рассмотрения дела федеральным судьей.

В тоже время, не можем не указать - в данном Постановлении Конституционный Суд РФ указал, что положения части 2 статьи 8.28 КоАП Российской Федерации - в той мере, в какой они во взаимосвязи с частью 1 статьи 3.7 данного Кодекса вопреки требованиям статей 46 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации допускают в качестве административного наказания конфискацию орудия совершения административного правонарушения у собственника этого имущества, не привлеченного к административной ответственности и не признанного в законной процедуре виновным в совершении данного административного правонарушения, - в нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации несоразмерно ограничивают право частной собственности, гарантированное статьей 35 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации.

Причем если данное Постановление Конституционного Суда РФ было оглашено уже после вынесения рассматриваемого судебного акта, то правовые позиции, раскрывающие содержание конституционного права на судебную защиту, сформулированные, в частности, в Постановлениях от 3 мая 1995 года N 4-П по делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР, от 16 марта 1998 года N 9-П по делу о проверке конституционности статьи 44 УПК РСФСР и статьи 123 ГПК РСФСР, от 17 ноября 2005 года N 11-П по делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 АПК Российской Федерации, должны были быть известны суду.

В данных Постановлениях Конституционный Суд РФ разъяснял, что «Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, в силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации оно не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах. Право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости; из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3), закрепляющими равенство всех перед законом и судом, право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями, которые в нормативной форме (в виде общего правила) определяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе».

Конституционный Суд РФ из данных правовых позиций и исходя из взаимосвязанных положений статей 1, 2, 18, 45 и 118 Конституции Российской Федерации, в Постановлениях РФ N 1-П от 20 февраля 2006 г. "По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества "Нижнекамскнефтехим" и от 21 апреля 2010 г. N 10-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью "Три К" и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы" указал об **обязанности РФ как правового государства создать эффективную систему гарантирования защиты прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия, неотъемлемым элементом нормативного содержания права на судебную защиту, имеющего универсальный характер, является правомочие заинтересованных лиц, в том числе не привлеченных к участию в деле, на обращение в суд за защитой своих прав и свобод, нарушенных неправосудным судебным решением. Разрешение судом вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, не позволяет считать судебное разбирательство справедливым, обеспечивающим каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях закрепленное статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом. Лицо, не привлеченное к участию в деле, в отношении которого вынесено судебное решение, нарушающее его права и свободы либо возлагающее на него дополнительные обременения, во всяком случае должно располагать эффективными средствами восстановления своих нарушенных прав, как того требует статья 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Из этого исходит в своей практике Европейский Суд по правам человека, который неоднократно указывал на то, что данная статья гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты для осуществления материальных прав и свобод, установленных Конвенцией, независимо от того, в какой форме они обеспечиваются в национальной правовой системе; средства правовой защиты должны быть "эффективными" в том смысле, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или его прекращать, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение (постановления от 26 октября 2000 года по делу "Кудла (Kudla) против Польши", от 30 ноября 2004 года по делу "Кляхин (Klyakhin) против Российской Федерации" и др.).**

Безусловно, данные правовые позиции могли быть применены в рассматриваемой ситуации, поскольку решение о конфискации имущества лица, не привлеченного к рассмотрению дела будет актом, вынесенным о правах и обязанностях лица, не привлеченного к рассмотрению дела.

Но решением судьи Центрального районного суда г. Твери от 18 марта 2011 года постановление мирового судьи не было отменено, а лишь было изменено с указанием, что из изъятых 471 экземпляра литературы, только 38 экземпляров печатных материалов признаны экстремистскими и включены в федеральный список.

Федеральный судья оставил в перечне подлежащей конфискации и уничтожению литературы лишь информационные материалы, находящиеся в федеральном списке экстремистских материалов, а также оставив в силе наказание в виде штрафа.

Не согласившись с судебными актами Белимова подала надзорную жалобу. Тверской областной суд в Постановлении от 18.10.2011 в порядке надзора⁹ отменил вступившее в силу постановление о привлечении Любви Белимовой, исповедующей религию Свидетелей Иеговы, к ответственности по статье 20.29 КоАП РФ, производство по делу было прекращено в связи с отсутствием в действиях Белимовой Л. П. состава административного правонарушения. В то же время, решение о конфискации было оставлено в силе.

Из текста Постановления Председателя Тверского областного суда от 18.10.2011 видно, как суд решил проблему конфискации информационных материалов у лица, не привлечению к рассмотрению дела – суд просто указал, что литература была изъята у лица, привлекаемой к ответственности – у Белимовой, т.е. просто изменил обстоятельства дела... Здесь пожалуй, комментарии излишни. В тоже время, сам факт конфискации информационных материалов при том, что дело об административном правонарушении прекращено, порождает вопросы о правомерности такой конфискации. Очевидно, что отсутствие состава правонарушения является правопрепятствующим юридическим фактом, не допускающим применения конфискационной санкции.

По всей видимости, суд «несколько» спутал конфискацию с чем-то другим. Так например, изъятие из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, орудия совершения или предмета административного правонарушения изъятых из оборота и на этом основании подлежащих обращению в собственность государства или уничтожению не является конфискацией (п.3 ст.3.7 КоАП РФ). Отнесение литературы к экстремистским материалам, конечно же, означает ограничение таких материалов в обороте и запрет на совершение с ними сделок, однако, законом не предусмотрено их изъятие, когда лицо, ими владеющее не предназначает их для распространения и не совершает соответствующих правонарушений.

Полагаем, что все же законодатель в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» обоснованно установил конфискацию, как санкцию к правонарушителю, что в полной мере соответствует положениям ч.3 ст. 55 Конституции РФ о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Правоприменитель, безусловно, не может выходить за пределы норм, устанавливающих ответственность и расширительно их толковать, подменяя законодателя.

Вышеприведенный анализ хотя и был осуществлен на примере административного дела, однако, не видим никаких причин для того, чтобы при рассмотрении вопросов о конфискации при рассмотрении гражданского дела были применены другие подходы. Конфискация и в гражданском деле не

---

⁹ URL: http://www.jw-russia.org/news/tver/courtdoc20111018_u.pdf (дата обращения 11.12.11)

перестает быть санкцией, применяемой только к виновному лицу, «лично совершившему правонарушение... юридическая ответственность – следствие правонарушения»¹⁰.

Должная правовая процедура зависит не от того в каком судебном порядке рассматривается вопрос конфискации, а от ее юридической природы, как меры публично-правовой ответственности.

Цель признания информационных материалов экстремистскими и задачи гражданского судопроизводства

Безусловно, гражданско-процессуальная форма не может быть использована для того, чтобы добывать доказательства совершения публичных правонарушений, за которые установлена административная и уголовная ответственность, под видом «установления правового состояния информационных материалов». Такой задачи в ГПК РФ мы не найдем, это безусловно противоречит базовым положениям УПК РФ и ГПК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" было дано следующее разъяснение, что «При рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов (основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации), а с другой - защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина - свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Соответственно, данная задача лежит на судах и при рассмотрении дел о признании материалов экстремистскими. Наличие данной задачи показывает, что при рассмотрении дел о признании материалов экстремистскими всегда имеется спор о праве.

Спор о праве свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, свободно изучать религиозные книги, реализуя право на свободу совести и вероисповедания.

Не можем не отметить, что само признание информационных материалов экстремистскими имеет целью не защиту частного интереса, а направлено на то, чтобы не допустить распространение экстремистских материалов – то есть, на запрет, воспреещение.

Иск о воспреещении был известен еще римскому праву, под названием прогибиторного иска (*actio prohibitoria*), назначение которого заключалось в обязанности (воспреещении) ответчика не вмешиваться в свободу собственника¹¹.

Хотя в российской процессуальной науке не так много внимания было уделено искам о воспреещении¹², для любого процессуалиста известно, что требование, направленное на принуждение ответчика к воздержанию от

¹⁰ Баранов В.М. Теория юридической ответственности. Н. Новгород. С.9.

¹¹ Гарсия Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М. 2005. С. 333.

¹² Гордон В.М. Иск о воспреещении. СПб. 1913.

совершения каких-либо действий (иск о воспреещении) является иском о присуждении и если точнее исками о присуждении к бездействию (в случаях, когда истец требует от ответчика воздержания от определенных действий)¹³.

Где предметом иска о присуждении является материально-правовое требование истца к ответчику, принудительного осуществления которого добивается истец. Основание иска о принуждении составляют юридические факты, свидетельствующие о том, что право нарушено..., т.е. те же обстоятельства (факты), которые создают, изменяют или погашают права и обязанности сторон или препятствуют возникновению прав и обязанностей¹⁴.

Соответственно, притязание на запрет, на воспреещение должно иметь адресата, кому этот запрет адресован. Нам могут «подсказать», что на основании судебного решения о признании информационных материалов экстремистскими, данные материалы помещаются в федеральный список экстремистских материалов, что является запретом для неопределенного круга лиц причем запретом не только распространения, но и фактически ограничивает право на получения данных информационных материалов. Конечно же, так оно и есть, но как мы уже писали «информационный материал» всегда плод чьего-то творения, у них всегда есть автор, который с признанием информационных материалов экстремистскими, становится лицом, занимавшимся экстремистской деятельностью.

Таким образом, требование о признании материалов экстремистскими в ряде случаев является иском о воспреещении к неопределенному кругу лиц и одновременно «иском» о привлечении к публично-правовой ответственности автора, а также владельца информационных материалов имеющего цель их распространить. По крайней мере, суть притязаний прокурора и правовая природа признания информационных материалов экстремистскими именно такова, хотя зачастую наличия притязаний к автору в требованиях прокурора мы можем не увидеть. Что свидетельствует о несоответствии таких требований положениям ст.131 ГПК РФ.

Полагаем, что рассмотрение такого рода дел в гражданском процессе, вряд ли может обеспечить тот уровень правовых гарантий, который необходим с точки зрения международных стандартов справедливого правосудия, которые при рассмотрении данного рода дел требуют соблюдения процессуальных гарантий предоставляемых при уголовном обвинении.

Правовые позиции ЕСПЧ.

Хотя на момент написания данной статьи Постановлений Европейского Суда по правам человека (далее «ЕСПЧ»), вынесенных по делам против России по данному роду дел пока нет, имеющиеся жалобы в ЕСПЧ еще находятся на стадии решения вопросов о приемлемости, ничто не лишает нас возможности поучиться на чужих ошибках.

---

¹³ Иск в гражданском судопроизводстве: Сборник / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев, Т.В. Соловьева и др.; под ред. О.В. Исаенковой. М. 2009.

¹⁴ Арбитражный процесс: Учебник. отв. ред. Валеев Д.Х., Чельшев М.Ю., авторы § 1 гл. 8 Фархтдинов Я.Ф. и Фетюхин М.В. М. 2010

Надо отметить, что при разбирательстве административных дел и даже гражданских дел в ряде случаев с целью необходимости соблюдения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенции»), российский правоприменитель должен соблюдать гарантии, установленные ст. 6 Конвенции, как если бы в отношении этих лиц, было предъявлено «уголовное обвинение». То есть, в ряде случаев должны быть соблюдены принципы уголовного процесса при рассмотрении гражданского дела¹⁵, поскольку необходимость такого подхода обусловлена тем, что понятие «уголовное обвинение», применяемое ЕСПЧ, является автономным от квалификации национального права¹⁶.

Так например, ЕСПЧ в Постановлении от 4 ноября 2008 г. по делу Балсите-Лидейкиене против Литвы [Balsyte-Lideikiene v. Lithuania] (N 72596/01) установил, что по делу о привлечении к ответственности за публикацию разжигающую национальную рознь, должны быть применены гарантии ст. 6 Конвенции, предоставляемые при уголовном обвинении. В данном деле ЕСПЧ установил нарушение ст. 6 Конвенции в связи с тем, что обвинение в том, что спорная публикация разжигала национальную рознь было основано на экспертных заключениях, и суды, признавая заявительницу виновной, широко цитировали экспертные заключения, которые играли ключевую роль в возбужденном против нее разбирательстве, но ей не была предоставлена возможность допросить экспертов с целью оспаривания достоверности их заключений. ЕСПЧ сделал в данном Постановлении, что отказ в удовлетворении ее ходатайства о допросе экспертов в открытом судебном заседании не отвечал требованиям статьи 6 Конвенции.

Полагаем возможным рассмотреть здесь более подробно Постановление ЕСПЧ, поскольку правовые позиции, изложенные в данном Постановлении могут быть полезны для понимания отнесения ЕСПЧ того или иного рода дел к уголовным и соответственно, применимости положений ст. 6 Конвенции о процессуальных гарантиях при уголовном обвинении. Но вначале напомним их:

«2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

- а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
- б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;
- в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

---

¹⁵ Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М. 2007. С. 80

¹⁶ См. подробнее: Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете европейской конвенции о правах человека. Государство и право. N 3. 2000.

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

e) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке».

Соответственно, эти процессуальные гарантии должны быть предоставлены даже если национальным законодательством дело может быть и не отнесено к уголовным... Безусловно, этот факт обязывает нас быть внимательным к подходам ЕСПЧ, поскольку их игнорирование может привести к нарушением прав и свобод граждан и к очередным проигрышам в ЕСПЧ.

Итак, в деле Балсите-Лидейкиене против Литвы, ЕСПЧ задался вопросом был ли процесс уголовным в исключительном понимании статьи 6 Конвенции и таким образом подпадает под гарантии, предоставляемые в данном отношении ст. 6 Конвенции при рассмотрении того факта, что на заявительницу была наложена санкция в виде административного предупреждения и конфискации непроданных экземпляров «Литовского календаря 2000».

Прежде всего, ЕСПЧ, указал, что при определении, следует ли считать правонарушение уголовным, следует применять три критерия: юридическая квалификация правонарушения в национальном законодательстве, характер нарушения и характер и степень суровости возможного наказания (см., среди прочего, дело «Энгел и др.», процитированное выше, § 82, и дело «Лауко против Словакии», постановление от 2 сентября 1998 года, «Сообщения о постановлениях и решениях», 1998-VI, с. 2504, § 56).

Рассмотрев первый критерий ЕСПЧ указал, что в соответствии с национальным законодательством Кодекс об административных правонарушениях не характеризуется как «уголовный», однако индикаторы, наблюдаемые в законодательстве государства-ответчика, имеют лишь относительное значение (см. дело Озтюрк против Германии, постановление от 21 февраля 1984 года, серия А № 73, с. 19, § 52).

ЕСПЧ также напомнил, что согласно его устоявшейся практики второй и третий критерий являются альтернативными и не обязательно совокупными: чтобы статья 6 считалась применимой, достаточно, чтобы рассматриваемое правонарушение считалось «уголовным» с точки зрения Конвенции или чтобы это правонарушение ставило человека под угрозу применения санкции, которая по своему характеру и суровости в целом относилась бы к уголовной сфере (см. Эзех и Коннорз против Великобритании (Большая Палата), №№ 39665/98 и 40086/98, § 86, ЕСПЧ 2003-Х). Это не исключает применения совокупного подхода в случаях, когда отдельный анализ каждого критерия не позволяет достичь однозначного заключения в отношении наличия «уголовного обвинения» (см. дело «Лауко», § 57).

Что касается характера правонарушения, совершённого заявительницей, ЕСПЧ напомнил, что к ней была применена санкция за производство и распространение «Литовского календаря 2000» в соответствии со статьями 301 и 21412 Кодекса об административных правонарушениях. Последняя касается административных правонарушений против установленного порядка администрирования (*Administraciniai teisės pažeidimai, kuriais kėsınamasi į nustatytą valdymo tvarką*). Следовательно, данная юридическая норма адресуется

всем гражданам, а не определённой группе, имеющей особый статус. Общий характер рассматриваемой юридической нормы далее подтверждается главой 1 Кодекса об административных правонарушениях, которая устанавливает, что все граждане должны обеспечивать уважение к юридическим правилам и правам других граждан, а также статьёй 9 Кодекса, которая определяет административное правонарушение как противоправное деяние, которое представляет угрозу для правопорядка, прав граждан или установленного порядка администрирования. Отсюда следует, что рассматриваемая юридическая норма является общей и следовательно подпадает под второй критерий в деле Энгела (дело «Лауко» § 58).

Далее ЕСПЧ рассмотрел третий критерий: характер и степень суровости наказания. Национальные суды установили, что заявительница виновна в правонарушении, предусмотренном статьёй 21412 Кодекса об административных правонарушениях, которая устанавливает штраф от 1.000 до 10.000 литов, хотя, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, штраф был заменён предупреждением в соответствии со статьёй 301 Кодекса.

Что касается характера наказания, ЕСПЧ обратил особое внимание на статью 20 Кодекса об административных правонарушениях, в которой утверждается, что цель административного наказания – наказать нарушителей и заставить их воздержаться от повторных нарушений. ЕСПЧ здесь отметил, что возмездие – это обычная отличительная черта уголовного наказания (см. вышеупомянутое постановление по делу «Озтюрк», § 53).

Что касается степени суровости наказания, ЕСПЧ напомнил, что реальное наказание, наложенное на заявительницу, относится к усмотрению, но не может уменьшить первоначальные альтернативы (см. дело «Эзех и Коннорз» § 120, и процитированное в деле законодательство).

Таким образом, хотя в настоящем деле национальные суды сделали лишь предупреждение в соответствии со статьёй 301 Кодекса об административных правонарушениях, заявительница была наказана в соответствии со статьёй 21412, которая предусматривает штраф от 1.000 до 10.000 лит. ЕСПЧ также обратил особое внимание на тот факт, что если штраф не выплачивается, в соответствии со статьёй 314 Кодекса штраф может быть заменён административным арестом на срок до 30 дней и указал, что в дополнение к изданию предупреждения были конфискованы напечатанные и непроданные экземпляры календаря, а конфискация часто рассматривается как уголовное наказание.

На основе вышеизложенного анализа, ЕСПЧ сделал вывод, что «В сумме общий характер юридической нормы, нарушенной заявительницей, вместе с целью наказания, состоящей в сдерживании и возмездии, а также степенью суровости наказания, которой могла подвергнуться заявительница, достаточны для того, чтобы продемонстрировать, что рассматриваемое правонарушение имело, в смысле статьи 6 Конвенции, уголовный характер». В силу этого ЕСПЧ счел, что статья 6 § 3 (d) применима в деле «Балсите-Лидейкиене против Литвы».

Экстраполируя подходы ЕСПЧ на дела о признании информационных материалов экстремистскими, можно с большой степенью вероятности утверждать, что дела данного рода могут быть отнесены ЕСПЧ к делам уголовного обвинения.

В качестве краткого вывода можем высказать мнение о том, что ситуация с данной категорией споров такова, что требуется законодательное разрешение

проблемы¹⁷, поскольку проблема рождена именно законодателем, который фактически установил новый род дел без должного анализа их правовой природы и процессуального права, подлежащего применению при рассмотрении данного рода дел. Установление должной правовой процедуры – это конституционная обязанность законодателя, в том числе, вытекающая из участия России в Конвенции.

Однако, на нашем месте было бы ошибочно утверждать, что установление должной правовой процедуры признания информационных материалов экстремистскими может решить всю проблему. Хотя, в данной статье мы рассматривали проблему только со стороны правовой процедуры, проблема все же заключается не только и быть может не столько в правовой процедуре, но и в самой санкции за идеи, а не действия. Данная санкция - вмешательство в свободу мысли. «После способности мыслить способность сообщать свои мысли своим ближним является самым поразительным качеством, отличающим человека от животного. Она является одновременно признаком бессмертного призвания человека к общественному состоянию, связующим началом, душой, орудием общества, единственным средством усовершенствовать последнее, достигнуть той степени власти, познаний и счастья, которая доступна человеку»¹⁸. Закон, карающий за образ мыслей, не есть закон, изданный государством для его граждан¹⁹.

Султанов Айдар Рустэмович, начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования

Опубликована в журнале Адвокат №1, 2012

© 2011 Султанов Айдар Рустэмович

---

¹⁷ Кушнарев Т.В. Признание информационных материалов экстремистскими // Законность. 2011. N 4. С. 53 - 55.

¹⁸ Робеспьер М. О свободе печати - Речь о свободе печати была произнесена Робеспьером в Обществе друзей Конституции в мае 1791 года и тогда же издана Национальной типографией, 23 стр. in – 8, под названием –«Discours sur la liberie de la presse, prononce a la Societe des Amis de la Constitution le 11 mai 1791 par Mximilien Robespierre, Depute a L'Assemblee Nationale et Membre de cette Societe». Перевод сделан из «Сочинений М.Робеспьера», т.VII., «Discours (II partie) Janvier - septembre 1791». На русский язык брошюра Робеспьера была переведена в 1906 году. URL: <http://www.twirpx.com/file/647450/> (дата обращения 12.12.2011)

¹⁹ Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции URL: <http://oldcsu.csu.ru/files/history/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D1%81.pdf> (дата обращения 12.12.2011)